

BAZAROV Victor Borisovich, *Cand.Sci.(Hist.)*, Researcher of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of RAS (6 Sakh'yanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatiya, Russia, 670047; bazarov_science@mail.ru)

RUSSIAN-MONGOLIAN RELATIONS IN THE POST-SOVIET PERIOD: DEEPENING OF COOPERATION

Abstract. The article is devoted to the history of Mongolian-Russian relations in the post-Soviet period. Being in the wake of the Soviet Union, Mongolia copied the Soviet foreign policy strategy, based on the international aid of the USSR and other socialist countries. Because of this strategy, Mongolia narrowed the possibility of holding an independent foreign policy. The fall of the Soviet Union marked the beginning of a new round in the history of Mongolia. Democratic period for Russia and Mongolia was characterized by rupture of economic ties, the weakening of the political dialogue. By the second half of the 1990s, the Russian government has come to realization of a new, more thought-out policy towards Mongolia. A number of important meetings at the highest level prepared a new cooperation platform. In the 2000s, the strengthening of political dialogue, solution of the problem of «a great debt», visa-free regime between Russia and Mongolia had an effect to increase the intensity of the socio-economic and political relations in the new democratic format.

Keywords. Mongolia, Russia, geopolitics, East Asia, foreign policy, foreign policy of Mongolia

УДК 316.3 (571.54)

ЖАЛСАНОВА Валентина Гуржаповна — к.соц.н., доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, ул. Сахьяновой, 6; anzhal1974@mail.ru)

БАТРАЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СЕЛА

Аннотация. В статье приводятся результаты социологического исследования сельского населения Республики Бурятия, проведенного автором летом 2014 г. Показано, как последствия социальных изменений конца XX – начала XXI в. привели к ухудшению социального положения сельского населения, трансформации его социальной структуры. В постсоветский период произошло значительное расширение границ нижнего класса и появление в нем социальной группы батраков. Основными факторами возникновения феномена батрачества стали многолетнее пребывание части сельских жителей вне трудовой занятости, преобладание у них асоциальных и девиантных форм поведения.

Ключевые слова: социальная структура, нижний класс, батрачество

Социальная структура сельского сообщества в современной России сложилась вследствие глубоких преобразований конца XX – начала XXI в. Развал сельскохозяйственного производства, выразившийся в исчезновении колхозов и совхозов как основных экономических единиц, кардинально изменил облик сельских территорий и социально-структурных характеристик всего сельского населения. Наблюдается продолжающееся разрушение хозяйственной и социальной инфраструктуры, ухудшение условий труда и быта, снижение уровня жизни сельского населения, бегство «из села в город» в поисках работы и лучших условий жизни. Большинство исследователей пришли к выводу, что в 1990-е гг. социокультурное пространство села вступило в стадию системной деградации. «В результате аграрной реформы в настоящее время основная масса крестьян лишена земельных и имущественных паев и работает в качестве наемных работников. Для многих крестьянство ассоциируется с нищетой, низким уровнем культуры,

низким уровнем социального благоустройства и т.п.» [Модернизация социальной структуры... 2008: 198].

Исследования сельского населения ставят вопрос о том, есть ли вообще в современном российском селе крестьянство. П.П. Великий и Е.В. Бочарова отмечают, что «сложившаяся структура сельскохозяйственного производства сделала излишними более 7 млн человек. Это трудоспособные люди, которые при разумной организации дела могли бы изменить ситуацию на рынке отечественного продовольствия. Но они потеряли связь с сельским хозяйством современного типа, которое основано на науке, высоко механизировано и экономично. Можно ли эту часть сельских жителей отнести к крестьянству?.. В настоящее время многие прежние критерии классов, в том числе и крестьянства, поставлены под вопрос: политические — из-за нечеткости интересов разных подгрупп; социально-экономические — из-за расчленения состава сельского населения на выигравших и проигравших в результате включения в частнособственнические отношения; социокультурные — из-за неравенства и несовпадения жизненных и мировоззренческих установок» [Великий, Бочарова 2012: 127]. Несомненно, процесс раскрестьянивания начался еще в период советской власти, когда условия коллективных хозяйств и отсутствие частной собственности превращали сельского жителя фактически в наемного работника. Постсоветский период способствовал усилению последствий данного процесса. «Механизмы раскрестьянивания, сложившиеся в прошлых советских практиках, действуют до сих пор, а по отдельным направлениям и усилились. Среди них — разрыв между организацией труда и социальной сферой, сложившийся из-за сокращения потребности крупхозов в кадрах, что способствовало в одних случаях перетоку сельских жителей в семейное хозяйство (ЛПХ), в других — маргинализации и люмпенизации, деструкции ценностей, росту девиантного поведения» [Великий, Бочарова 2012: 133].

Трансформации в социальной структуре проявились в вымывании одних групп и слоев из сельского социума, изменении социальных позиций других и появлении новых групп и слоев. В нашей статье мы рассматриваем новую социальную группу, появившуюся в сельском социуме в последние десять лет, условно названную нами «батраки». Условность названия обусловлена тем, что данная социальная группа не является полным аналогом дореволюционного батрачества. Она, при всей малочисленности, подвижна и изменчива в своем количественном и качественном состоянии.

В советской исторической литературе батрак определялся как представитель класса наемных сельскохозяйственных рабочих, авангард сельского пролетариата. Большая Советская энциклопедия дает следующее определение батраков: «наемные рабочие в капиталистическом сельском хозяйстве, часть сельскохозяйственного пролетариата, имеющая небольшой земельный надел или совсем лишенная земли. Единственный источник существования — тяжелый наемный труд, который оплачивается значительно ниже, чем труд других сельскохозяйственных рабочих. Для батрака характерен нищенский уровень существования»¹. Труд батраков чаще всего носил сезонный характер.

К каким же социальным группам или слоям можно отнести новых батраков? Можно ли современных батраков отнести к уже известным социальным группам, например к деревенскому андерклассу или прекариату? З.Т. Голенкова и Ю.В. Голиусова, анализируя эти две группы, пишут, что «существенным признаком андеркласса является связь его представителей с теневой, криминальной

¹ Большая Советская энциклопедия. В 30 т. (гл. ред. А.М. Прохоров). 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия. 1970. Т. 3. С. 114.

экономикой, тогда как прекариат — часть легальной экономики, которая пытается скрыть часть своих доходов от государства, не засвечивая часть работников в официальной статистике» [Голенкова, Голиусова 2015: 49]. Известный российский исследователь социальной структуры общества Н.Е. Тихонова пишет, что «если говорить о России... низший класс в ней уже возник, и его формирование активно продолжается... Заняли эти позиции прежде всего представители тех групп населения, которые характеризовались наименьшей ресурсообеспеченностью. Это привело к тому, что часть нынешнего низшего класса оказалась выходцами из “старых”, “советских” бедных... для работающего населения огромную роль в определении масштабов социальных неравенств играют неравенства внеклассового характера, связанные, прежде всего, с регионом проживания, отраслью занятости, типом населенного пункта и т.п.» [Тихонова 2011: 27]. Соответственно, основными зонами попадания в низший класс становятся территории с узким рынком труда — это малые города и села.

Интерес к проблеме сельского низшего класса возник в ходе социологических обследований сельского населения Республики Бурятия, когда достаточно большое число респондентов в качестве источников дохода указывали неформальную занятость, подработки, называемые калымом. Так, в исследовании 2014 г., проведенном в Хоринском районе Республики Бурятия с использованием метода стандартизированного интервьюирования, 37,5% опрошенных указали калым как источник дохода. При этом доходы от калыма могут быть и в виде денежных выплат, как правило, очень низких, так и в виде натуральной оплаты (мясо, дрова и т.п.). Нерегулярность работ по калыму и малые выплаты по нему не позволяют судить об этом виде деятельности как о приносящей постоянные доходы и обеспечивающей необходимый для современной жизни уровень. К калыму обращаются как те, кто имеет постоянную работу, так и безработное население.

В ходе нашего исследования респондентам был задан вопрос: «Что вы делаете для улучшения своего материального положения?» Были предложены до 16 вариантов ответов, включая вариант: «ничего не предпринимаю». Допускался выбор собственного ответа. Преимущественно выбирались только 3 варианта: «подрабатываю на сезонной или разовой работе, калымом» (33,3%), «ничего не предпринимаю» (25,5%), «продаю продукцию собственного хозяйства» (21,5%)¹. Работы по калыму — это, как правило, подработки во время сенокоса, заготовка древесины для владельцев пилорам, строительство, стрижка овец, выпас скота. Несомненно, что занятия калымом характерны в основном для бедного населения, чьи доходы можно оценить как находящиеся ниже прожиточного минимума или около него. Нанимателями чаще всего выступают соседи, фермеры, небольшие частные предприятия.

В результате перед нами возник ряд вопросов: кто же эти люди, занимающиеся постоянно калымом? Каким образом они приходят к этому виду деятельности? Насколько они удовлетворены своим социальным положением? Каковы их дальнейшие жизненные планы? Поэтому исследование, проведенное летом 2014 г. в Хоринском районе Республики Бурятия, было дополнено, и на основе специально разработанного гайда удалось взять 7 интервью с лицами, которые были отнесены к группе батраков.

По данным глубинного интервью стало видно, что большинство так называемых батраков имеют сельское происхождение. Никто из респондентов не имеет высшего или среднего профессионального образования. Практически все вели асоциальный образ жизни, все отмечают проблемы, связанные с злоупотре-

¹ В основном реализуется продукция животноводства, в первую очередь мясо.

блением алкоголем. «Я родился в деревне, после школы ничего не делал, нигде не учился. Потом пошел в армию. После армии вернулся домой в деревню, к родителям, женился. Работы не было, уехал в районный центр и устроился в кочегарку работать, но так как стал много пить, меня выгнали с работы» (муж., 30 лет).

«Я всю жизнь в деревне живу. После школы в “фазанке” отучился на тракториста. Потом армия, после армии как вернулся домой, так почти никуда и не выезжал, даже в райцентр не ездил. Трактористом в совхозе работал. Женился, детей у меня трое. Один сын тут в деревне живет, внуков мне родил. Дочки в городе живут, позы лепят в какой-то закускойной. Я же им образования-то не дал. Как совхоза не стало, так и жить стало тяжело. В школьной кочегарке стал работать. Я же от хозяйства совхозного ничего не получил, как некоторые. Тут некоторые скот совхозный себе забрали, теперь фермерами называются. А я пил много» (муж., 57 лет).

«Я ведь не всегда так жил. Я в сельхозке нашей учился на ветеринара. После 4-го курса бросил. Почему бросил? Гулял много, учиться совсем перестал, вот и бросил. В городе там-сям работал, грузчиком работал, на стройках подрабатывал. Официально и не работал вовсе. Товарищ шахтером работал в “Бурятзолото”, меня устроил. Но работа тяжелая, не выдержал. Да и пил, как только с вахты возвращался» (муж., 35 лет).

Наличие родителей-пенсионеров способствует поддержке наших респондентов, возможно, именно их наличие удерживало от окончательного скатывания на дно. «Если бы не мать, тоже помер бы. Она ведь пенсию получает. На пенсию она и мне помогает, и детям моим подкидывает» (муж., 57 лет).

Наличие судимости также является характерной чертой многих людей, оказавшихся в батраках. Судимость не позволяет людям нормально трудоустроиться, возникают проблемы с социальной адаптацией после окончания срока заключения. «Однажды попался на краже. Хотя и раньше крал по мелочи. А тут попался. Ну, отсидел пять лет, вернулся и опять по-новому все пошло, пьянки, калым иногда. Кто же меня судимого возьмет на работу. Боятся, что украду или убью» (муж., 30 лет).

Многие отмечают неблагоприятную ситуацию в семье, когда семья либо распадается в связи с уходом супруги, либо когда супруга становится «собутыльницей». «Пил много. Жена у меня через водку и померла. Вместе пили, значит» (муж., 57 лет). «Я, наверно, и сейчас женат, не знаю. В 90-е годы я начал много пить, вот жена и выгнала меня» (муж., 46 лет).

Из интервью видно, что некоторые респонденты до попадания в батраки пытались жить и трудоустроиться в городе. Как правило, эти попытки не были результативными. «Я родился и вырос в селе. Пока был колхоз, работал трактористом-комбайнером. Потом в 90-е годы переехал в город. Сначала помогал родственнику на рынке торговать китайским товаром. Он с женой возил, а я на торговле стоял. Но торговать у меня не получалось. Устроился на постоянную работу, не помню названия организации. Короче, я работал подсобным рабочим. Потом все надоело и вернулся домой в село» (муж., 54 года). «Я из Читинской области, там под Читой жил. А жена у меня из Бурятии была. Мы в 2003 году в Улан-Удэ переехали к родственникам жены поближе. Домик купили, я водителем устроился, на маршруте работал. Неплохо жил. Потом что-то все кувырком пошло. С работы погнали, я ведь не хозяин маршрута был, водитель простой. С женой развелся, она недовольна была, что денег не приношу. Жить стало негде. Ну и пил, конечно, не скрою» (муж., 47 лет).

Особенность батрачества в условиях Бурятии – это преобладание работы на гуртах (отдаленных от сел заимках), где в основном занимаются разведением

скота. Отдаленность гуртов приводит к тому, что батраки там же и проживают, зачастую рядом с хозяевами. Их труд практически не оплачивается, или же оплата составляет незначительную сумму, которой хватает на покупку мелких вещей, табака. Фактически батраки работают за еду и одежду, причем не усматривая в этом какой-либо эксплуатации. Отношения с работодателями описываются в нейтральных тонах, нет проявления уважения или благодарности, как нет и откровенной недоброжелательности. Часто работодатель именуется «хозяином». Стать батраком для наших респондентов – фактически означало избежать окончательного жизненного падения. Спасительную руку помощи протягивали близкие, знакомые, друзья. «Один милиционер знакомый однажды увидел меня на улице пьяного, посадил в машину и привез в район к своему тестю. Велел жить у него и помогать по хозяйству. Скот пасу теперь. Сначала ушел было, в город вернулся. Напился, руку отморозил. Надоело стало, вернулся сюда. Вот уж пятый год как тут живу. Денег почти не получаю. Да мне и не надо. Так, по мелочи, на сигареты, на конфетки» (муж, 47 лет). «У соседа скота стало много, а одному сил присмотреть не хватает, сена косить тоже надо. Вот он меня и позвал. Хожу к нему, работаю, значит. Денег он мне почти не дает, да и не богат он. Одежду дает, ему дети из города старое поношенное привозят, вот и дает. Мясом делится. На табак дает денег. Как выпью, он драться начинает, выгоняет, а потом снова зовет» (муж., 57 лет).

Для наших респондентов было характерно безучастное отношение к жизни, отсутствие какого-либо интереса к ее дальнейшему планированию. Во время интервью складывалось впечатление, что у всех респондентов преобладает чрезмерно фаталистичный подход к своей судьбе независимо от возраста. «Как я дальше жить буду? Не знаю, я не задумывался. Друг предлагал уехать на заработки куда-нибудь. Собрался было, потом расхотел. Не знаю. Что будет, то и будет» (муж., 30 лет). «Наверно, я дальше так и буду на гурту работать, пока силы есть. Не знаю» (муж., 51 год). Пессимизм и неверие в возможность изменить судьбу усиливают фатализм в рассуждениях респондентов. «Что буду дальше делать? Сначала думал, что надо уехать, на работу устроиться. Да ехать некуда. Дома, в деревне работы все равно нет. Опять калымить, туда-сюда мыкаться? В городе можно было бы, да жить все равно негде. У сестры не хочу, у нее своя семья. Не, сестра хорошая, помогает мне, только я ей мешать не хочу. Я ведь выпить люблю. Так что я и не знаю, что дальше делать буду. Жизнь покажет» (муж., 35 лет).

Выделенный нами низший класс, или батраки – это своеобразные представители деревенского низшего класса, или андеркласса, живущие за счет продажи своей рабочей силы, причем оплата чаще всего носит натуральный характер. Основным фактором, приведшим их в эту группу, является низкая ресурсообеспеченность (отсутствие профессионального образования, происхождение из небогатых семей, проживание в селе, где не развит рынок труда), усугубленная асоциальным образом жизни. Занятие сельскохозяйственным трудом, требующим физических усилий, способствует тому, что в данной группе преобладают мужчины среднего возраста – от 30 до 60 лет.

Социально-экономический кризис, охвативший российское общество, способствует росту числа бедного населения, особенно в сельской местности. Долгий период пребывания вне трудовой занятости, преобладание девиантных форм досугового времяпрепровождения приводят к снижению адаптивного потенциала сельских жителей и тем самым способствуют увеличению численности деревенского андеркласса. Появление такого феномена, как батрачество, в условиях современной деревни, является ярким признаком социального неблагополучия всего российского общества.

Список литературы

Великий П.П., Бочарова Е.В. 2012. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы. — *Социс. Социологические исследования*. № 1. С. 126-133.

Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. 2015. Прекариат как новая группа наемных работников. — *Уровень жизни населения регионов России*. № 1(195). С. 47-57.

Модернизация социальной структуры российского общества (отв. ред. З.Т. Голенкова). 2008. М.: Институт социологии РАН. 287 с.

Тихонова Н.Е. 2011. Низший класс в социальной структуре российского общества. — *Социс. Социологические исследования*. № 5. С. 24-35.

ZHALSANOVA Valentina Gurozhapovna, *Cand.Sci.(Soc.)*, Associate Professor, Senior Research Fellow of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of RAS (6 Sakh'yantovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; anzhal1974@mail.ru)

FARM LABORERS AS A SOCIAL PHENOMENON OF A CONTEMPORARY RUSSIAN VILLAGE

Abstract. *The article considers the results of a sociological study of rural population in the Republic of Buryatia carried out by the author in the summer of 2014. It shows how the consequences of social changes of the late 20th – early 21st centuries led to deprivation of rural population and transformation of its social structure. The post-Soviet period witnessed a significant expansion of the lower class margins and an emergence of the social group of farm laborers in it. The main factors of the emergence of farm laborers phenomenon are the perennial unemployment of a part of villagers and prevalence of asocial and deviant forms of behavior.*

Keywords: *social structure, lower class, farm laborers*